

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevictor.ru/> Приятного чтения!

Первые дни нашего пути на Кваркуш были мукой. Телята, которых мы гнали на пастбище, разбегались во все стороны, скрывались в лесу, хватали чахлую траву, обкусывали сочные побеги рябины. Их безжалостно лупили, а они, задравши хвосты, носились по тайге и до того уматывали нас, что к вечеру мы с ног валялись. Дорога пошла совсем одичалая, захламленная, темная, по глухой и сухобокой тайге, в которой росли папоротники, черничник да брусничник, поляны с травой исчезли, лишь по ложкам да по берегам ручьев вздымался реденько дудочник и ершилась черствая осока. С телятами нам тут вовсе не управиться, решили мы, тут они нас в гроб вгонят ? идут несколько дней, оголодали, изнурились, и невозможно будет выгнать их из чащобы. Но неожиданно телята усмирились, и не то чтобы отклоняться в лес отставать боялись друг от дружки. Задержится какой бычок отщипнуть ветку либо с корнем ягодник выдрать, а сам тревожится, переступает, вскидывает голову: далеко ли стадо ушло? Покажется бычку ? далеко, замычит и неуклюже, вприпрыжку бросится догонять телят; догнавши, толкается, норовит забиться в середку стада. Вьючные кони, тоже вольно державшиеся первые дни, шли впритирку, уткнувшись мордами чуть ли не в хвосты передних, передние то и дело фыркали, вострили уши, трясли головами, звякали удилами уздечек, вздрагивали кожей при каждом шорохе в глубине тайги, словом ? шибко сторожились. ? Что это значит? ? поинтересовался я. ? Медведи, ? ответил старший нашей команды, ? медведи идут следом, и только зазевайся... Я начал озираться вокруг, всматриваться в густолесье, силясь увидеть этих самых медведей. Старшой рассмеялся и, убивая дорожную скуку, стал рассказывать о чудесах и дивах, случавшихся во время прежних перегонов скота. Уральские альпийские луга цветут и зеленеют на огромной вершине Кваркуш в соседстве с тундряными ягельными полянами. Ходу со скотом на Кваркуш от последнего населенного пункта ? пять-шесть суток. На альпийских лугах мясной скот летом давал до килограмма привеса в день; если траву подсаживать ? и того больше. Скот на отгонные пастбища шел дорогой, просеченной спецпереселенцами еще в тридцатые годы, и дорога эта так задичала, что по пути к пастбищам и обратно скот терял то, что приобрел, являясь в колхозы при "своем интересе", как выражаются картежники. Правления нескольких колхозов спорили меж собой, кому высылать бригаду с бензопилой и трактором, чтобы растащить завалы, сделать осеки для ночевки и расчистить поляны в лесу хоть для маломальской подкормки скота. Споры и распри закончились тем, что скот совсем перестали гонять на выгодные пастбища, потому как стада теряли в пути не только вес, но несли и поголовный урон, ломали ноги в завалах, вытыкали глаза, пропарывали брюшины, падали от истощения и становились добычей медведей. Зимовать на северных поднебесных хребтах Урала медведям холодно, снега тут глубиной до девяти метров ? задохнешься под ними. Пожировав в благую летнюю пору на безлюдных вершинах, медведи с наступающей осенью спускаются вниз, к предгорьям на зимовку. Как только начали гонять колхозные стада на альпийские луга, умный зверь мигом сообразил: надо идти следом ? всегда какой-нибудь харч перепадет; у табора люди непременно насорят, забудут или потеряют что-нибудь, но главный интерес и надежда главная у косолапых на падеж скота. Раненых и подсекшихся в пути телят перегонщики докалывали и поднимали мясо на лабаза, чтобы забрать его на обратном пути. Медведи стекались к этим лабазам, поводили носами, облизывались, шатали деревья, подкапывали и перегрызали корни ? словом, правдами и неправдами добывали себе мясо. С

отставшей или заблудившейся в лесу скотиной косолапые управлялись и того проще. В нашем отряде народу много ? шестнадцать школьников, четверо взрослых. Хватало людей на ночные дежурства, на шум, крик и охрану вверенного нам колхозного стада в полтораста голов. Ночами вокруг табора полыхали костры. Старшой ? бывший фронтовик ? тревожно вслушивался в леса, сомкнувшиеся вокруг нашего табора. ? Бродят, бродят, подлые!.. Казалось, понарошке попугивает нас старшой, чтобы еще бдительней мы были и от табора никуда не отдалялись. В заброшенном переселенческом поселке мы загнали скот в дощаной сарай, у которого обвалилась задняя, от леса сопревшая стена. Старшой приказал забрать ее досками, чтобы медведи не вломились. Тогда уж все развеселились ? старшой и в самом деле дурачит нас. Каков же, однако, был переполох и изумление, когда среди ночи стадо наше подняло рев, а товарищи мои ? пальбу из ружей. Вернувшись с фонариком от сарая, старшой сообщил, что медведи таки оторвали доски, обвалили наживульку сплетенную стену, но задрать никого не успели, только оцарапали одного бычка. С ним, с этим бычком, уже случалась беда ? он попадал в каменный "капкан", задрал чулком кожу на ноге, и вот еще глубокие, запекшиеся царапины на стегне, в которых роется мухота, липнет к ним сор. Дойдет ли? На пятые сутки мы поднялись к первой поднебесной поляне и не вздохнули облегченно, не заорали "ура!", а сделали два вялых дуплета из ружей в честь того, что довели стадо без потерь, и повалились спать, пустив телят и коней в сочную, белопенную от цветущих морковников траву, страшась лишь того, чтобы скотина не объедалась. Выспавшись и придя немного в себя, мы осмотрелись ? долго синел впереди Кваркуш. И вот мы наверху. Простор такой, что взгляда не хватает. Простор холодный, безмолвный, по всему хребту останцы, будто развалины вымерших городов. И чем дальше, чем выше, тем более вершины, тем гуще прожилья вечных снегов. Худые, скособоленные, изверченные стужей леса крались по распадкам, достигая вершин, взбирались на сопки и останцы, но здесь останавливались, застывали, стуча под ветром окостенелыми сучками. Однако же, приглядевшись, заметишь ниже культияпистых, часто сломленных бурей вершин и живые ветки, по-птичьи распластавшиеся по земле крыла сизой птицы, березу с горсткой черствых листьев, в заувее, меж скал, реденькую, чахлую, кособокую стайку елей или сиротски жмущиеся друг к дружке шумливые осинники; среди серых камней и сухостоин малахитово светились бархатистыми кисточками кедры. Отсюда, с Кваркуша, пастухи увозили березу на топорища, делали заготовки для полозьев саней, пилили кругляш на обувную шпильку: дерево, испытанное здешним климатом, так крепко, что поделкам из него не было износу. Вид высокогорных лесов напоминал русских вдов, надсаженных войною; плоть деревьев, которую не брал острый топор, делала это сходство более полным. Все цвело на альпийских лугах как-то избирательно: то вся поляна сизая от мышиноного горошка, то сдобно-кремовая от первоцвета или небесно-голубая от незабудок. И только крап заблудившихся растений, чаще всего белых розеточек подснежников, морковника, луговой чины либо алых приполярных маков красиво пятнал одноцветные поляны, о которых ребятишки, как увидели, сразу спросили: ? Кто же здесь цветы посеял?! ? Природа, ? заявил старшой. Подкормив стадо, мы сделали последний переход к поляне, названной пастухами довольно-таки современно ? "Командировка". Принявши скот, пастухи похвалили нас: мол, с ребятишками гнали, но никакого в стаде урону, а вот шестеро взрослых головотяпов пригнали стадо и потеряли в пути двадцать голов скота. В честь так удачно завершеного дела ребята наши натопили баню, оставшуюся от спецпереселенцев, мылись там, стегая друг дружку вениками, выбегали нагишом на улицу и с визгом бухались в ледяную воду речки Цеп?л, падающей

с тундряной горы. Мы сидели на крыльце избы, курили, хохотали над парнишками, песни пели, в цель стреляли и в фуражки, которые охотно подбрасывали ребята. Спать легли поздно, так как ночи здесь уже не было, накатывали лишь морок и вовсе уж оглохая, вроде бы даже густая тишь, в которую среди лета, сказывали пастухи, гнус заедает насмерть все живое. Проснулись и увидели возле печки пастуха Устина, долговязого, тощего мужика. Он шумно хлебал жидкую кашу из котелка, глядя куда-то в пространство обиженно и скорбно. ? Беда, ребята, ? сказал он, дохлебав кашу, ? мохнорылый задрал бычка. Мне платить... Все ссыпались с печи, с нар, бросились на улицу, будто могли еще поправить беду, и были ослеплены яркой белизной: ночью выпал снег. Мягкий, липкий, пушистый, он оседал последними хлопьями. Темная, синеющая туча волокла плотную его массу к северным недвижным хребтам. Плывя торопливо, срезанно, дальние вершины выныривали все реже, реже, пока вовсе не затонули во вспененных, крутодвигающихся волнах. Но это там, на севере, в дальней дали. А здесь, на Кваркуше, обмерло все, остановилось, стихло. Низкие облака наполнили расщелины гор, недвижно лежали на верхних беломошных полянах, лепились к чахоточно-серым лесам, пластами висели над всем хребтом. Сплошной каплей заполнили мир. Со стлаников, сдавленных снегом, с худых деревцев, с крыши старой избы, с бани, с камней, с каждой веточки, былинки и листочка сочилось мокро, из разложин густо повалил пар, заполняя сонной зяблостью округу. Наше становище располагалось на склоне поляны, сплошь заросшей желтой купавой. Стебли и листья цветков завалило снегом, головки купав светились лампадками на немыслимо белом и ярком пологие. И чем дальше по склону, тем гуще было свечение. Ближе к небу седловина сплошь была охвачена желтым заревом; казалось, совершилось всесветное чудо ? небо, усыпанное звездами, опрокинулось, и мы боязливо ступали по нему, податливо-мягкому, боясь провалиться в тартарары. Было так дивно сладостно и жутко, что я еще раз в который уж ! ? осознал бессилие слова перед могуществом и красотой природы. Не верилось, что в такой благостной тишине, среди такой красоты могла быть смерть, жестокость и вообще какая-либо напасть. Не один, не два человека ? сотни людей, обманутые чарами здешней красоты, блуждали в низко павших, беспросветных облаках, погибая медленно и мучительно от пронзающей душу и кости сырой стыни, среди цветущих лугов, до конца веруя: при такой красоте не может быть места смерти. Меж тем всего лишь в полверсте от нашего стана, где вечером были шум, крики, песни и пальба, в размешанном снегу, буром от крови, лежал задранный теленок, точнее, передняя его часть. Из мятого, спруженного и опятнанного снега торчала перекушенная лопатка ? почему-то запомнилась прежде всего она, выдранная с мясом, раскрошенная в щепу, потом уж заметил я разорванные внутренности с вытряхнутой из них свежей поедью: бычок, тот самый, что повредил в пути ногу и был уже цапан медведем, отошал в дороге, нахвтался мокрой травы, его сморило, и он прилет возле кустов. Медведю за всю дорогу на высокий Кваркуш мясного не обломилось. Он заголял травяной дерн, крушил валежины, пни, выедавая молочные корешки травы, жуков, червей, мышек, пожирая муравейники вместе с сором. Но что за пища этакой зверине ? букашки да муравьи ! Он шел с терпеливой верой и надеждой на добычу, основательную, горячую. И дождался своего часа. Прыгнув из-за куста, медведь убил бычка разом, без возни. Дыры от когтей кровенели выше губ бычка, на войлочном-сером храпе. Второй лапой зверь вцепился в загривок бычка. Осязаемо слышалось, как хрустнула лучиной шея бычка, небось не успел, бедняга, ни испугаться, ни замычать. Зверь был голоден и от голода бесстрашен. Он не уволок тушу телка в кусты, тут же, где убил его, единым дыхом сожрал половину и только после уж попробовал

тащить оставшуюся часть добычи. Проволок половину туши метров полтораста, соря по снегу ошметья стылой крови, алые телячьи косточки, растягивая веревками зацепившиеся за коренья кишки, и, выдохнувшись, оставил мясо, едва прикопав его мохом и грязью, выдранными из-под снега, отяжелел от жратвы косолапый, залег где-то поблизости, сторожа свою добычу. Зверь сильный, наглый, но беспечный? такому здесь не прожить. К полудню, вызванные Устином, прибыли в наш стан олениводы-вогулы с двумя собаками. Старший, давно не стриженный вогул Матвей, сходил к месту происшествия и, вернувшись, попросил чаю. Чай и каша были мигом разогреты. Вогулы пили чай кружку за кружкой, хрумкали сахар, утирали пот рукавами рубах, спрашивали про жизнь "там", у нас, про медведя и не поминали. Ребят сжигало нетерпение, но они не смели надоедать вогулам, пробовали задобрить их собак, бросили по кубику сахара. ? Нейзя! ? остановили ребят вогулы. ? Собак баловать нейзя. Собаки и не брали сахар, гладить себя тоже не позволяли. Похрапывая, они приоткрывали губы над частокором зубов, как только к ним протягивали руку. Опорожнив полведра чаю со свежей заваркой, вогулы покурили городских сигареток, поплевали под ноги, поглядывая за окошко. Раз-другой мелькнуло солнце в разводах поднявшихся облаков и вдруг умыто, празднично засветилось над избушкой. Облака, всосав в себя пар из ущелий, лесов и стлаников, катились круглыми снежными бабами под гору, к подножию хребта, к жилым местам, чтоб налить соком травы, леса, поля. Все таяло, все плыло вокруг, и снова пространственно-синенькое небо, обласканное помолодевшим солнцем, светилось над нами. ? Ну дак, пошли, что ли? ? буднично сказал младший вогул и поднялся с крыльца. Собаки вскочили с завалинок, где они лежали, скрывшись от капли, покорно подставили головы, чтоб с них сняли ошейники. Освободившись от поводков, они не затыкали, не помчались куда попало, не запрыгали, как городские шавки, ? кобель на угол, сука за баней степенно помочились, катнулись в мокром снегу, отряхнулись и замерли в отдалении, ожидая приказаний. Мы вооружены кто чем. Мой товарищ ? фотоаппаратом, старшой и пастухи ружьями, ребяташки ? палками. ? Собак не перебейте, ? оглядев все наше воинство, серьезно предупредил Матвей, ? собаки ? золото, медведь ? дерьмо! ? И пошел вперед косолапо, усадисто. Мы за ним. Парнишки, напряженные, подобранные, бледные ? сзади. ? Ну как, страшно? ? спросил одного парнишку старший вогул и потряс головой, засверкав узенькими смеющимися глазами: ? Уй-буй-бы-ььыр! Страшно! Парнишки вежливо посмеялись. Мы тоже. Обогнав хозяев, собаки приблизились к задранному бычку и сначала медленно, затем все убыстряя, убыстряя ход, закружились возле туши, тычась носами в снег, в грязь. Ноздри собак, сырые, чутко вздрагивающие от напряжения, работали, посипывая, вычихивая что-то их раздражающее, едкое, все заметнее поднималась шерсть на загривках псов. Доверительное почтение вызывали вогульские лайки ? они уж никогда не подведут человека, сделают свое дело верно, достойно, и никакому зверю от них никуда не деться. Забирая все шире круги, отклоняясь все дальше к стланикам и мокро чернеющему за ними реденькому лесу, лайки взвизгнули, будто одновременно наступили на острое, и пошли по направлению распадка, белеющему впадиной среди леска. Еще раз, уже мимолетно, мы увидели лаек в отдалении, на пестро вытаявшей поляне. Псы шли челночно: сука ? влево, кобель ? вправо, через какое-то время встречались и, вроде бы не замечая друг дружку, расходились по сторонам. Без шума, суеты, уверенно шли собаки к зверю. Чувствовалось, вот-вот они его поднимут, сердце в груди заранее холодело, томилось и обмирало. Звонко и очень уж домашне с простодушно-злым и в то же время радостным ликованием вскрикивала сука, ровно бы найдя пьяного мужика под забором:

"Так вот где ты, бесстыжая харя, валяешься!" Сшибая с перевитого стланика тяжелое мокро, ринулся на ее крик кобель, забухав на ходу срывистым лаем. Кусты стлаников дрогнули, зашевелились, затрещали, ухнул в них намокший снег, раздался храп, поднялась яростная возня? кобель кого-то рвал или кобеля рвали? Сука, взрыдывая, давясь собственным голосом, билась в кустах, помогая кобелю. Зверь не хотел выходить из густой шараги? видно, понимал: пока он тут, собаки ему не так страшны, никто его здесь не пристрелит. ? Я говорил, далеко не уйдет, ? повернулся Матвей к молодому вогулу. Обожрался! Мясо бросить жалко! ? И, поощряя собак или напоминая о себе, загулькал, валяя язык во рту: ? Ур-лю-лю-лю-у-у! Кобель, будто колуном рубанув, ахнул в ответ, сучка совсем уж по-бабьи залилась, зарыдала. Зверь, судя по извилисто заматавшейся молнии, по сталисто отблескивающим кустам, стронулся, не выдержав натиска собак. Матвей снял ружье с плеча, взвел курки, скользнул по нас беглым взглядом; лицо его отвердело, скулы как бы круче сделались, челюсти проступили резче. Переглянувшись со своим молодым напарником и что-то ему взглядом сказав, он выдвинулся вперед шага на три, приказав нам жестом оставаться на месте. И в этот миг все мы увидели черное, на человека похожее туловище, вылетевшее из кустов и ударившееся бежать вниз по пестрой поляне. Но за "штаны" его теребила мокрая и оттого казавшаяся совершенно махонькой и ничтожной по сравнению со зверем сучка. Со всех сторон наседали на отмахивающегося медведя кобель, так что уж сдавалось, будто кобель не один, а по меньшей мере их три. Собаки теснили зверя в нашу сторону, но он догадывался, что его здесь ждет, сопротивлялся, пробовал снова заскочить в кусты, делал броски туда-сюда, кружился на месте, к нам не шел, однако в другое место его не пускали собаки, то и дело поднимающие медведя с четырех лап на две. Были они, эти задние лапы, коротки, ровно бы в низко спустившихся галифе, которые мешали зверю шагать. "Ау-мау-оррх!" ? утробным голосом взревел медведь и беспомощно сел на размешанный грязный снег. В нелепой его позе, в бесполезном отмахивании лапами, в бросках, хотя и резких, но уже усталых, почувствовалась обреченность, в голосе ? отчаянье. Собаки неумолимо пятили зверя под выстрел. Ребятишкам велено было отойти к кустам, что они тут же и охотно исполнили. Мой товарищ держал наизготовку фотоаппарат, старшой ? ружье. Я видел и слышал, как чем-то позвякивал фотоаппарат, ружья у пастухов не качались, прямо-таки зыбались в руках. Медлительные вогулы с неожиданной проворностью разбежались на стороны. Матвей вскинул ружье, что-то крикнул собакам, они отпрянули от зверя, и без промедления, один за другим, раздалось два выстрела. "Ау-мау-оррх!" ? совсем уж мучительно, показалось, даже раскаянно не проревел, а пьяно выхаркнул медведь и в последней попытке рванулся к кустам, но что-то отяжелело в нем; зверь все же осилился, поднял себя и, уже не отбиваясь от собак, вроде бы и внимания на них не обращая, слепо метнулся с поляны. Молодой вогул упал на колени, ружье его деловито булькнуло. Эхо не откликнулось в горах и расщелинах, выстрел не раскатился по хребту, пуля, вроде бы осязательная слухом, вошла в мягкое и завязла. "0-ooo-оу-уухх!" длинно, со скорбным облегчением выдохнул зверь, подрубленно валясь на землю. Скомканно закаталась темная туша по размешанному снегу. Зверь лапами выдирав траву, выцарапывал и перемалывал коренья, ломал о камни железные когти. Собаки, беснуясь, крутились на нем, с ожесточением и торжеством рвали зубами медвежью шерсть, захлебываясь ею. Зверь дергался все отрывистей, судорожней, реже и, наконец, перестал вовсе шевелиться, только из глубины его, из чрева, набитого мясом бычка, ровно бы задевая ребристое горло железной цепью, катился рокот, утишаясь хрипом и сиплым стенанием, да в

медленно угасающих, но все еще осмысленно глядящих глазах оставалось понимание смерти и несогласие с нею. Мы подошли к убитому зверю. Его горячая пасть еще парила, по снегу и траве, дымясь, расплывалась кровь. Морда зверя по глаза измазана сукровицей и зеленой поедью телка, под когтями засохла грязь и кровь ? не успел обиходить себя медведь, обжорство его свалило в сон, а вообще-то он зверь чистоплотный. ? Что же вы не дали выстрелить? ? с упреком набросились наши на вогулов. ? Фотографируйтесь! ? посмеиваясь, сказал Матвей и, вынув из ножен сточенный нож с незамысловатой деревянной ручкой, перехватил горло зверя. Сами убили, скажете. Поверят! ? Мы не выдадим, ? тоже посмеиваясь, добавил молодой вогул и, свежюя зверя, серьезно уже пояснил, кивнув на унявшихся, зализывающих себя псов: Постреляете нечаянно. Что мы здесь без них? Вечером был пир на весь поднебесный мир ? мясо по выбору: кто хочет медвежатины ? пожалуйста! Сами добыли! Кто хочет телятины ? знай рубай: медведь порадел. Кто хочет птичкины ? лакомься: вогулы на пути к нам четырех куропанов сшибли. Вогулы посмеивались, слушая нашу болтовню и песни, которые во всю головушку ревели ребятишки-пастушата, возбужденные таким бурным ходом жизни. Поздней ночью вогулы уехали к своему стаду оленей. Утром мы проснулись и видим: Устин опять чего-то хлебает, опять обиженно глядит в пространство и, гундося, извещает: ? Беда, ребята! ? Снова задрал? ? Не задрал покудова, но собирается... "А как же тогда вся эта ваша и вогульская вера, что у каждого медведя свой район промысла?" ? хотелось спросить у пастуха, да ему не до споров было. Еще когда мы всходили на Кваркуш, увидели до болони оцарапанные, в занозы исполосованные стволы деревьев, и старшой наш объяснил: восставшие из берлог медведи обтачивали об дерево за зиму отросшие когти. Один из наших спутников его оспорил; дело, мол, не только в обтачивании когтей, таким, мол, образом медведи отмечают место своего обитания, рост свой ? чем выше царпины на дереве, тем-де я могучей, значит, бойся меня, на пути не попадайся. ? Так оно, поди-ко, так, ? кивали головами вогулы, когда их спросили об этом, но не понять было: подтверждают они такую теорию или относятся к причудам зверей так же, как к домыслам заезжих людей, со снисходительным почтением, храня, однако, в себе им лишь известные, а нам недоступные да и не нужные смысл и тайну всего сущего в жизни древней и загадочной тайги. Позднее от других охотников слышал я, что в обжитых российских лесах, где медведя мало, а корму, в том числе и хлебного, много, зверь утратил сторожевую привычку. Но северный, горный медведь живет по другим, более суровым и жестоким законам. Если он за лето, которое тут совсем коротко, не нагуляет жира, то останется шатуном или иссохнет зимой в берлоге. Означенный когтями рубеж не всегда действовал устрашающе, и возле "хозяина", более сильного, ловкого, пасся "приживала", доедая после него остатки дохлятины, потихоньку воруя и пакостя. Постепенно такой вот "приживала" делался хитрее, ловчее и коварнее самого "хозяина". Не раз и не два видели люди, как смертельно дрались северные медведи, и случалось, молодой зверь изгонял старого ? может, своего родителя, с наброженных, кормных владений в малодобычливые места. Мир диких животных так сложен, загадочен и многообразен, что человеку-властелину лишь кажется, будто он все про них узнал, ? это одно из многих, пусть не самых тяжелых, но и не самых простых заблуждений. Вон даже вогулы ошиблись ? они заверили на прощание пастухов: до следующего года вокруг "Командировки" будет покой, а меж тем косолапый бродит, караулит момент, чтоб наброситься на скот, ? не воскрес же тот, которого мы сварили и съели, шкура его висит в предбаннике, синяя тремя пулевыми дырами, лапа, привязанная за слегу, болтается на ветру, показывая почти

человеческую стопу, только очень уж грязную и бескостно- пухлую. Устин, кончив хлебать, поднял костлявый кулак к черному потолку и поклялся: ? Я не я буду, если этого мохнорылого не угроблю сам! ? И принялся заряжать пули. Очень уж легко и просто свалили зверя вогулы, пастуху казалось, что и он тоже маху не даст... На ночь пастух Устин отправился караулить медведя к тому месту, где остались еще от задранного бычка кости и потроха. Снег сошел. Поляны цвели все гуще и ярче. Золотые купавки, было сникшие и повернутые головками в одну сторону, выпрямились, сияли, круглились на стеблях. Птицы налетело густо. В камнях керкали куропапы; над избушкой тянули вальдшнепы; жужжали крыльями бекасы; всюду пиликали кулики; в междузоре еще токовали глухари; по болотам гукали выпи и крякали утки. Устин совсем печальным и нервным сделался: зверь бродил вокруг дохлятины, кряхтел, ухал, один раз даже будто бы запустил гнилым пнем в Устина, но под выстрел не шел. ? Ребята, попасите за меня! ? всхлипнул посинелый, мокрый, еще тощее сделавшийся Устин и замертво свалился на нары. Ребятишкам нравилось гарцевать на лошадях, скакать вперегонки ? скот, пригнанный на горные пастбища, быстро нагуливал тело, сбрасывал усталость, наливался силой. Гнуса еще никакого не было, и скотина чувствовала себя как на курорте, может, еще лучше. Устин проснулся через час, уставился ввалившимися глазами в грязное окно и, царапая под рубахой ногтями, сказал, что сна ему нет и не будет, пока он "не встретится с им", и зачем-то спросил у нас бритву, тут же стал править ее на ремне, возле окна, а наша шумная орда гоношилась возле огня, варила кашу с мясом, кипятила чай со смородинником. Ребятишки, да и все мы, хорошо уже отдохнули после трудного похода, отъелись мясом и налаживались в обратный путь. Пастушата, оставив стадо на краю поляны, пустили коней и тоже явились к костру, дурели возле него, возились. Взрослые, как водится, их поругивали. Они, как водится, не обращали внимания на взрослых ? это почему-то раздражительно действовало на Устина. ? Опрокиньте котел, опрокиньте!.. ? выскочив на крыльцо, заругался он на ребят и хотел добавить: "Я вот вас вице, окаянных!", да не успел: вдали раздался топот, земля задрожала, и мы увидели мчащихся коней с разметавшимися гривами, задранными хвостами. Седло упало под брюхо одного мерина, стремяна бренчали, щелкали о каменья подковы, поддавая еще больше страху и без того обезумевшим лошадям. ? Ба-а-атюшки мои! ? схватился за голову Устин. ? Прячьтесь! Прячьтесь! ? панически взвизгнул он и сам юркнул в избу. Кони пастухов с растворенными, оскаленными ртами и вытаращенными глазами промчались мимо нас, брызнули копытами по речке и скрылись. Следом летели наши, подбитые в пути, вьючные коняги. Фыркающая, прищелкивая губами, перла, не отставая от них, кобыла Денисиха, о которой решался вопрос: оставлять ее тут до осени или брать с собой ? так она ослабела за дорогу. Конский топот, звяк удил и стремян не успели утихнуть, как накатил на "Командировку" громовой топот и гул, и животный, вот именно животный, ни на что не похожий рев, плотность которого разрывал какой-то совсем уж придавленный, блеющий крик мольбы. Мы увидели колобом катающегося по поляне темношерстного медведя и тут только догадались, что так вот, по-дитячьи, кричит он, брызгая мыльной пеной. Глубокая, широко распахнутая пасть медведя, издающая жалобный крик, накатывающийся грохот навел нас на такой ужас, что мы захлопнули дверь избы и дружно схватились за скобу. С трубным гудением, чугунным стуком пролетело мимо избушки стадо, опрокинуло котел с варевом, ударило ведра, уронило вилы, грабли, попутно своротило предбанник с медвежьей шкурой, в нем висящей, и, прогромыхав по каменному дну речки, скрылось вдали. Опасливо выглянув, мы увидели, как за баней буйной толпой, взбухивая, ревя, кашляя, бычки и

выбракованные на мясо, недойные коровы всхрапывают, катают и подбрасывают рогами темную тушу медведя, словно большой тряпичный мяч. С крыльца избушки видно втопанную в грязь рожицу стелющихся тальников, сваленные и расщепленные деревья, вывороченные камни, выбитые цветы, дудки, травы? вся поляна будто вывернута темным наружу. Задрав хвосты, грязные, с налитыми кровью глазами, носились по хребту те самые бычки и коровы, которых мы лупцевали прутьями на пути к Кваркушу. ? Боже упаси, ? предупредил Устин, ? попасть сейчас скотине на глаза! На рогах растащат! ? И сокрушался о лошадях; могут со страху загнать себя до смерти ? они-то знают, как страшна скотина, в которой просыпается сотни лет дремавший дикий зверь. Коней на другой день пригнали к нам вогулы. Медведя, истыканного острыми рожками молодых бычков, распоротого кривыми рогами коров, втопанного в грязь, размичканного, вогулы и смотреть не пошли. Усевшись за чай, они пояснили нам, что медведь этот не мог отобрать мясо у того, что мы убили: силы нету. Добыть телка тоже не удавалось ? скот делался осторожен. И тогда решил косолапый взять стадо на испуг, ворваться в него, наделать панику и под шумок добыть свеженинки. К такому наглomu "шарапу" чаще прибегают волки, но вот и медведь решился ? дурак скребет на свой хребет! ? Ну, а теперь-то уж все или их табун тута, ведмедей-то? ? спросил нахохленный Устин. ? Кто знат? Кто знат?.. ? покуривая да поплеывая, щурили узкие глаза вогулы и затажно вздыхали: ? Тайга, парень, тайга... Успокоившиеся, снова смиренные, тупые с виду, паслись бычки и коровы на полянах, поднимая головы, замирали с пучком травы во рту, вслушиваясь в тишину гор и редколесий. Долгим, спокойным взглядом проводили они наш отряд в обратный путь. Кони наострили уши, затревожились, сбили шаг возле болотца. Из поваленных кустов, где валялся растерзанный зверь, взмыл тощий коршун. Ушли в камни, мелькнув лоскутьем облезлой шкуры, вороватые песцы и лисы. Денисиха, подкинув мослатый зад и грохнув вьюком, в котором были ведра, котелки, ложки, перескочила через мокрую бочажину, фыркнув, наддала ходу. "М-мму-у!" ? дружелюбно промычал пестрый бычок и потащился было за нами, но скоро отстал, провожая нас сытым, полусонным взглядом. Обомшелая, древняя тишина снова охватила горы, на которых торопливо, ярко полыхали многоцветьем альпийские луга. От цветов и белеющего рядом с ними вечного снега воздух был прозрачен, сладок, и так все вокруг покойно, величественно, что снова вселялось в душу блаженное успокоение и не верилось, что может свершаться в таком прекрасном мире что-нибудь коварное, жестокое, смертельное. 1977

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды
Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения.
Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!